

BLIZZARD ENTERTAINMENT

Сирота и ювелир

Гэвин Юргенс-Файри

Глава 1

В первый же день в Чжоу еще до заката меня успели оскорбить, ограбить, раздеть догола и унижить, бросив в канаву дожидаться смерти. Позднее мне объяснили, что я еще легко отделался.

Абд-аль-Хазир, «Хроники Сианьская»

Подставив лицо свежему ветру, Цзя отпустила дымовую трубу и прыгнула навстречу обшарпанной черепичной крыше игорного дома. Кинжал, качнувшись от прыжка, хлопнул по спине. Через десять минут он ей пригодится — предстоит кое-кого убить. Через секунду она приземлится на крышу, и вряд ли это будет мягкая посадка.

Но сейчас все было неважно. Она летела.

Чжоу растянулся на целых десять миль: прекрасные каменные храмы, грязные покосившиеся таверны, стройные башни и лачуги бедняков на равных отвоевывали себе место меж отрогов горной гряды Гуочжи. Дороги лишь занимают место, которого и так мало, и потому в городе было больше темных, извилистых переулков, чем площадей и широких улиц. Многого могло случиться с беспечными людьми на этих улочках... и зачастую случалось.

Беззвучно коснувшись крыши, Цзя перекатилась в сторону; плотная кожаная броня смягчила удар. Тут же вскочив на ноги, Цзя уже бежала дальше. Здесь, над городом, она сама могла выбирать дорогу — ни глухих стен, ни тупиков, где могут зажать в угол. Только простирающиеся во все стороны крыши и свобода.

Можно даже представить, что нет никаких обязательств. Что можно просто взять и уйти...

Мимо мелькали окна; унылые игроки были слишком заняты неудачными раскладами и угрозой проигрыша, чтобы заметить ее. Однако Старший Брат Ця, сидевший подле своей будущей жертвы, оказался более внимателен. Он поднял бровь, раздраженный ее безрассудством, и Цзя в ответ радостно помахала ему. Если тебя заметили люди из Десятой Семьи, испытание еще не провалено. Их ведь учили замечать все на свете.

Девять Великих Семей правили Чжоу, и каждая носила имя ремесла, которым занималась в этом городе. Десятая же Семья обходилась лишь номером, ибо ремеслом ее были преступления: кражи, контрабанда, пороки всех мастей и убийства.

Семья растила Цзя с малолетства. Она была не единственным таким ребенком: все подкидыши и беспризорники, сумевшие выжить на улицах Чжоу, где смерть была частой гостьей, рано или поздно оказывались в Семье, где получали еду, кров и полезные навыки. После того как детям исполнялось восемнадцать, нужно было сделать выбор.

Можно было покинуть Семью, унеся с собой изрядно золота, и выбрать свой путь в жизни. За пределами Чжоу лежал весь *остальной* мир, и юноша или девушка с примечательными навыками и опытом вполне могли неплохо устроиться где-нибудь еще.

А можно было стать частью Семьи. И убивать.

Цзя выбрала второе, хотя хотела первого. Она мечтала покинуть город и посмотреть мир... но на Десятую Семью напали. А своих не оставляют в беде.

Она прыгнула с угла игорного дома и приземлилась на богато украшенной крыше каменного храма Тун-Ши¹. Установленные по спирали изваяния и причудливые бордюры для человека подготовленного служили отличной лестницей.

Цзя полезла вверх; под ней распростерся город, пестрый, словно лоскутное одеяло. Ее сапоги попирали воздетые ладони и склоненные головы статуй, а пальцы цеплялись за выступы поучительных барельефов, где пятьдесят девять благородных богов Сианься соблазняли, предавали и убивали друг друга. Цзя не обращала на них внимания. Десятой Семье не было дела до сложной местной теологии — за одним примечательным исключением.

Цзя остановилась у барельефа «Первая кража». Маленький бог Зей, смеясь, бежал по облакам, спасаясь от гнева Неба.

«Лукавый Зей прокрался между спящими богами, — так рассказывала эту историю Старшая Сестра Жоу много лет назад. — У него были ловкие руки и широкая улыбка, и он украл у своих братьев и сестер столько добра, что карманы его звенели. Затем он стремглав помчался прочь через темное небо, роняя по пути драгоценные камни. Многие из них остались там, куда упали, но некоторые долетели до земли и раскололись на тысячи кусочков...»

¹ Тун-Ши — бог-отец в пантеоне Сианься. Считается, что он вездесущ, но не всеведущ, и поэтому его часто изображают с несколько потрясенным выражением лица.

Легенда гласила, что Зея поймали и изгнали с Неба до тех пор, пока он не вернет все драгоценные камни до единого. В тот день начались тысячи и тысячи историй, каждая из которых была лучше предыдущей. На Сианьсае почитали пятьдесят девять богов, но любили лишь одного — Зея. Этот веселый пройдоха одурачивал императоров, соблазнял речных богинь и странствовал по свету в облике простого ювелира.

Руки множества сирот, лазивших по этому храму в погоне за успехом, стерли голову бога почти до неузнаваемости. Цзя тоже провела пальцами по блестящему черепу, а затем спустилась по каменной водосточной трубе в облако древесного дыма и едких паров, укутывавшее Чжоу, точно плотное покрывало.

Спустя еще несколько минут она притаилась на краю крыши и замерла. Оставалось только ждать. Ли, тринадцатый наследник Семьи Строителей, вывалился из питейного заведения вниз. Его поддерживала проститутка. Вряд ли бы девица так улыбалась, если бы знала, что он сотворил с шестью ее сестрами. Ли обхватила рукоять кинжала...

...И тут на улице появилось шестеро головорезов-Землевладельцев. Ли вскрикнул, выхватил меч и толкнул к ним девушку, чтобы выиграть время. Один из бандитов нетерпеливо проткнул ее мечом и оттолкнул в сторону. Безжизненное тело обмякло, и незрячие глаза уставились в небо.

Цзя замерла.

Один из Землевладельцев сделал выпад. Ли отбил удар и, хохоча, ранил неудачливого убийцу. Остальные атаковали сообща, и Ли отступил, парируя все их неуклюжие выпады. Никто из них и взглядом больше не удостоил убитую.

Цзя пришла в себя, осознав, что обнажила кинжал. Она уставилась на клинок; учителя вечно твердили, что она идет на поводу у своих эмоций. Она сделала глубокий вдох.

Ей нужно лишить жизни только одного человека. Лучше всего затаиться и выжидать. Возможно, Землевладельцы сделают всю работу за нее. Затем они пойдут праздновать победу... *а девушка так и останется лежать — мертвая.*

Цзя вздохнула, а затем устремилась в бой.

На самом нижнем этаже Скитающегося Дома² Приемный Отец Яо аккуратно поставил чашку дымящегося чая перед Цзя.

— Пей, — только и сказал он.

В простой фарфоровой чашке плескалась темная жидкость. Поговаривали, что для тех, кто не справился с заданием, вкус слегка (хотя недолго) отдавал корицей. Досужие вымыслы. Никто из проваливших испытание больше не покидал покоев Приемного Отца живым.

Цзя сделала резкий выдох и залпом выпила все. У напитка был вкус корицы.

² Скитающийся Дом — оплот Десятой Семьи. Ходят слухи, что здание способно перемещаться по городу. На самом деле таких домов несколько, но члены Семьи всячески поддерживают эти слухи.

— Ты совершила глупый поступок, — произнес Приемный Отец Яо, складывая руки на солидном животе. — Семеро мертвы, а я просил убить лишь одного.

Несмотря на обманчиво мирную внешность, мягкостью Яо не отличался. Цзя видела, как он сломал хребет одному из охранников Суровой Лян одним ударом. Приемный Отец подчинялся лишь самому предводителю Десятой Семьи, молчаливому и мрачному Ломаному. Она положила руки на стол между собой и Яо, чтобы видеть, если они вдруг начнут дрожать.

— Я могла спасти эту женщину, — ответила она, зная, что наблюдатели и так доложили обо всем, — прежде чем Ли зарезал бы ее, как и прочих, а Землевладельцы лишили ее жизни без причины.

— Это сделал лишь один из них, — поправил ее Яо.

— Другие не наказали его за это. Они даже не обратили на нее внимания.

— Да, — ответил Приемный Отец Яо, прищурившись. — Но они не имели отношения к твоему заданию.

— Я сделала, что... — начала было Цзя, но Приемный Отец ударил ладонью по столу.

— Они *не имели отношения* к заданию!

— Мне плевать! — крикнула Цзя. — Великие Семьи относятся к уличной войне как к игре! Эта женщина работала на нас, Приемный Отец. Она была частью Семьи, и они ее убили!

Приемный Отец Яо снова сложил руки.

— И поэтому, — произнес он без единого признака гнева, — ты ринулась в гущу схватки, вооруженная лишь кинжалом против мечей, и убила семерых.

— Шестерых, — ответила Цзя. — Ли запнулся об один из трупов, упал и сломал себе шею.

— Поразительно, — сказал Яо. — Но весьма беспечно. Вокруг была уйма людей.

Сердце Цзя будто сжала каменная рука. Если во время выполнения первого задания тебя заметили, испытание провалено, прочее уже неважно. И это значило, что в чае был яд.

— Впрочем, случилось так, что никто из них тебя не увидел, — продолжил, улыбаясь, Приемный Отец. — Поздравляю, Младшая Сестра.

Обомлев от облегчения, Цзя обмякла в кресле.

— Благодарю, Приемный Отец.

— Но если ты снова проявишь подобное безрассудство, «наказание» будет слишком мягким словом для того, что тебя постигнет. Мы ведем войну с Суровой Лян, и каждый боец на счету...

Яо говорил об обязанностях и долге, но Цзя выпрямилась: ее отвлекло нечто... странное. Кабинет Приемного Отца был невелик, но роскошно обставлен. Стол между ними, резной шкафчик, в левой стене — дверь, ведущая в личные покои Яо... Цзя была уверена, что ощутила движение воздуха.

Девушка моргнула. В дверном проеме показался костлявый старик в поношенном одеянии и разбитых сандалиях; он втянул носом воздух, и его жидкая борода затряслась. Затем он заметил ее, очень серьезно кивнул и прошел

по кабинету, тихо причмокивая. Выбрав самую красивую чашку, он огляделся с видом легкого недоумения, какое испытывает гость, пытаясь понять, где хозяйка держат сахар.

Цзя переводила взгляд с Приемного Отца Яо на старика. Должна ли она сделать вид, что не замечает гостя, или нужно подняться и поприветствовать его? Было ли это очередным испытанием? Возможно, она уже его провалила?

На лице Яо явственно отобразилось раздражение.

— На что, во имя Преисподней, ты уставилась?! — произнес он, оборачиваясь.

И разинул рот от изумления: незваный гость с довольным видом накладывал в чашку кристаллы яда норного ледолапа.

— Стража!

Глава 2

Даже будучи голым, как оципанный цыпленок, и привязанным к столбу над костром, Зей знал больше способов выкрутиться, чем было чудес на дне морском.

Зей и тридцать хвостов тигра

Спустя пять очень насыщенных минут Приемный Отец Яо сидел за столом и хмуро разглядывал старика, которому как-то удалось проникнуть на самый защищенный этаж самой защищенной крепости на всем Сианьсае. Яо немедленно послал весть о вторжении Ломаному обычным образом (тот отправился в путешествие... по делам), но это была лишь формальность. Незваных гостей ждала смерть.

Тетушка Ся и Дядюшка Хао, двое самых умелых убийц Десятой Семьи, стояли по бокам от непрошеного посетителя, обнажив мечи, — они могли нанести удар в любой миг по приказу Яо. Будто не замечая эту явную угрозу, старик с восторгом разглядывал шикарную обстановку, а затем взглянул на стол, разделявший его и Яо, и вздохнул.

— Просто *помираю с голоду*, — сказал он. — У вас есть какая-нибудь еда?

— Разумеется, — ответил Яо и повернулся к несчастной Цзя, которая топталась у дверей. Возможно, она ожидала, что ее отошлют прочь. Будь на ее месте другая Младшая Сестра, Яо бы так и сделал, но Цзя всегда отличалась от прочих. Ей нужно было стать сильнее, жестче. Он сделал вид, будто не заметил, как Тетушка

Ся, однажды разорвавшая человеку горло зубами, обеспокоенно поглядывает в сторону девушки.

— Принеси тарелку пирожных из моей кладовой, Младшая Сестра. И налей чаю из коричневого чайника.

Цзя бросилась выполнять его просьбу и вскоре вернулась с полной тарелкой пирожных. Старик распахнул глаза, увидев перед собой такое угощение.

— Ладно, друг мой, — произнес Яо, когда Цзя вновь ушла в кладовую за чаем. — Кто ты и как сюда попал?

— Через секретный проход за твоим книжным шкафом, — ответил старик, уставившись на пирожные, словно те могли поведать какую-то тайну. — Можно мне шоколадное, с ягодными полосками? Выглядит просто чудесно.

Яо нахмурился.

— Я спросил, как тебя зовут.

— Я слышал.

— И?

— Я думал, ты шутишь! — рассмеялся старик, всплеснув руками. — Кто ж не знает Шена Скупца!

— Я не знаю, к сожалению, — ответил Приемный Отец Яо. — Пожалуйста, угощайся, друг мой.

Шен разинул рот, изумляясь такой невиданной щедрости, и хищно набросился на содержимое тарелки.

— А теперь мне хотелось бы знать, зачем ты... — Приемный Отец Яо осекся на полуслове. Он с ужасом и удивлением смотрел, как Шен пожирает пирожные. Тот уплетал их так увлеченно и самозабвенно, будто в них было противоядие, способное защитить от отравленного чая, который как раз готовила Цзя.

— Зачем ты сюда явился? — наконец спросил Яо.

Прожорливость гостя, похоже, заворожила и Тетушку Ся, и Дядюшку Хао. Старик начал что-то бубнить с набитым ртом, рассыпая крошки по столу.

— Прости, я тебя немного не понял, — сказал Приемный Отец Яо.

— Ничего удивительного, — ответил Шен, проглотив последний кусочек пирожного. — Замысел-то весьма сложный.

— Да нет, — сказал Яо и поглубже вдохнул, чтобы успокоиться. — Я не смог разобрать твою болтовню с набитым ртом.

— Прошу прощения. Позволь объяснить еще раз... О, а вот и чай!

Пышущий паром чайник и две фарфоровые чашки легонько позвякивали, когда Цзя ставила их на стол.

— Спасибо, сестрица, — сказал Яо и налил чаю Шену.

На то, что темный напиток был отравлен, указывали лишь еле заметные переливы темной жидкости цвета полированного дуба. Ни запах, ни вкус не выдадут старику наличие яда. Он ничего не почувствует, просто заснет, и жизнь его оборвется. Оставался еще вопрос...

Шен взял чашку и осушил ее одним глотком.

— Батюшки! — воскликнул он, выдыхая клубы пара. — Да это просто изумительно. Можно мне еще?

Насупив брови, Яо снова наполнил чашку Шена. Тот начал пить маленькими глотками, подолгу смакуя чай.

— Позволь еще раз спросить, — сказал Приемный Отец Яо, — зачем ты пришел?

Шен Скупец скривил губы и с задумчивым видом вновь отпил из чашки. Внезапно его лицо озарилось восторгом, и он заговорщицки наклонился к Приемному Отцу Яо.

— Это, случаем, не скорпионий корень? — спросил он так, будто речь шла не о самом смертоносном яде, известном людям, а о неожиданном привкусе миндаля.

— Да, увы, так и есть. Так что если хочешь...

— Вообще-то он ядовит.

— Я знаю, — скрипя зубами, ответил Яо, — и если хочешь получить противоядие...

— Противоядия не существует, — сказал Шен Скупец, налив себе еще немного.

— Это один из самых сильных ядов, известных человеку. К счастью, мне однажды не повезло: пришлось целый месяц провести на острове, где кроме скорпионьих корней и ядовитых змей питаться было нечем. Разумеется, мне пришлось употреблять их в пищу. После этого я стал невосприимчив к большинству ядов!

Приемный Отец Яо сердито уставился на Шена. Сплошные загадки. А Яо ненавидел загадки, поэтому посмотрел в глаза дядюшке Хао и кивнул.

Великие Семьи отправляли магически одаренных отпрысков в Святилище Ишари в Калдее, чтобы те научились обузывать свою силу и мудро применять ее, а затем вернулись на Сианьсай и применяли ее, позабыв про мудрость. Десятая Семья предпочитала более прямолинейный подход к убийству, и поэтому все ее члены умели незаметно воздействовать на внутренние органы жертвы.

Дядюшка Хао поднял руку, произнес губами одно слово и сжал кулак. Висящие под потолком светильники закачались, а пламя в них затрепетало, будто от порыва ветра.

Все молчали, и только Шен Скупец, громко хлюпая, пил чай. Судя по всему, его сердце пребывало в целостности и сохранности.

На лбу у дядюшки Хао выступили капельки пота, сжатая в кулак рука побелела и задрожала.

Дрожь нарастала — затрясся даже стол. Шен допил чай и, удовлетворенно вздохнув, опустил чашку.

Внезапно чайник взорвался, и множество осколков разлетелось во все стороны.

Хрипло зарычав и едва обратив внимание на убийцу, в панике искавших на себе порезы от отравленных осколков, точно испуганные дети, Приемный Отец Яо одной рукой отбросил стол в сторону и достал нож. Шен Скупец не сдвинулся с места и лишь приподнял бровь, придав лицу выражение вежливой озабоченности. Оскалив зубы, Яо замахнулся... и застыл на месте. У него заболел лоб, но он не был ранен.

Письма можно перехватить, посыльных — пытаться. Потратив немало средств и вытерпев несколько болезненных магических процедур, Приемный Отец Яо и Ломаный получили в свое распоряжение совершенно новый способ общения на расстоянии.

Яо тщательно создал мысленный образ старика сразу, как только увидел его, а затем едва слышно прошептал особое слово. Он и не думал, что получит ответ на сообщение.

Сотня шепчущих голосов в голове соединились в один, чтобы передать единственную мысль Ломаного.

«Дайте ему, что пожелает, и молитесь, чтобы он поскорее ушел».

У Яо перехватило дух. Ломаный возглавил Семью во времена Очищения, когда на них ополчился весь город. Это был крепкий человек выше шести с половиной футов ростом, сплошь покрытый шрамами и следами от заживших переломов. Единственный человек, которого Суровая Лян, самая влиятельная женщина в городе, считала достойным соперником.

«Молитесь, чтобы он поскорее ушел».

Ломаный боялся Шена Скупца.

Приемный Отец Яо убрал нож и в первый раз по-настоящему внимательно взглянул на посетителя. Потрепанная, запыленная одежда. Туго набитые поясные сумки. И эта улыбка...

Каждый в Десятой Семье когда-то прошел Испытание Сироты, и каждый когда-то гладил голову Зея на удачу. Все знали легенду о Лукавом боге, запертом в мире смертных до тех пор, пока он не вернет украденные с Неба драгоценности.

— Кто ты, дедушка? — спросил Яо, облизнув внезапно пересохшие губы. — Кто ты на самом деле?

— Простой ювелир, — с чрезвычайно довольным видом сказал Шен Скупец. — Я хотел бы нанять юную Цзя для одного крайне интересного дельца.

Глава 3

Жена воина предложила Зейю выбрать выкуп: драгоценные камни, достойные самого императора, или ночь разгульного веселья. Разумеется, Зей не колебался ни мгновения.

Зей и ночь разгульного веселья

Скитающийся Дом насчитывал пять подземных этажей: здесь располагались спальни и учебные комнаты, которые соединяла спиральная лестница. Надувшись, Цзя плелась за Шеном вверх по ступеням. Так или иначе, новости о незваном госте уже разлетелись повсюду. Из всех потаенных лазов на старика пялились беспокойные глаза членов Семьи, и сбивчивый шепот эхом раздавался в темных закутках, в то время как самые смертоносные убийцы Сианься старались занять место поудобнее, чтобы лучше рассмотреть чужака.

Цзя негодуяще заворчала — конца этим разговорам еще долго не будет.

— Я знаю, что вы не он, — буркнула она.

— А «он» — это кто? — добродушно спросил Шен.

— Зей! Вы не Зей.

— А я этого и не говорил.

— Но и не опровергали!

— Видишь ли, если я начну тебе рассказывать, кто я есть и кем не являюсь, на болтовню уйдет вся ночь, и мы не успеем пробраться в башню Суровой Лян.

Перешептывания, доносившиеся из-за стен, сразу же стихли, а от сотни взволнованных вдохов на лестнице будто стало меньше воздуха. Цзя застыла как вкопанная.

— *Что?!* — вскрикнула она.

Шен обернулся и взглянул на нее из-за изгиба лестничного пролета.

— Неужели я не сказал? Мы сегодня выкрадем кое-что из Башни Советника. Разве не замечательно?

Законы в Чжоу устанавливал правящий Совет: по одному мужчине или женщине от каждой из девяти Великий Семей. Поскольку ни в одной из Семей не нашлось дураков, веривших в честное сотрудничество, уже довольно давно была введена должность Советника.

Эту важную и в то же время чреватую множеством опасностей должность обычно занимал преуспевающий торговец из числа простолюдинов. Советник должен был доводить до сведения правящего совета важные вопросы³ и исполнять полученные распоряжения⁴. Таким образом, у Великих Семей оставалось достаточно времени для интриг и расправ над ближними. Советники не подчинялись никому, и поэтому они были фактическими правителями Чжоу. Кроме того, они нечасто доживали до конца своей годичной службы.

Это означало, что нынешний Советник, Суровая Лян, была очень необычным человеком. Она воспользовалась участвовавшими донесениями о нападениях

³ То есть те, за рассмотрение которых одна из Великих Семей заплатила Советнику больше прочих.

⁴ См. выше.

демонов в землях Ужаса и других краях, чтобы удерживать власть на протяжении четырех лет. Лян пережила в общей сложности шестнадцать покушений на свою жизнь. До того как она стала Советником, Великие Семьи составляли городскую стражу из сброда, не годившегося в их личные армии. Лян преобразовала стражу, уволила или просто-напросто приказала убить пьяниц, лазутчиков и преступников. В результате у нее появился боеспособный отряд, где солдаты были хорошо обучены, получали более высокое жалование и подчинялись только ей.

Другими словами, Суровая Лян была единственным хранителем порядка в городе, привыкшем к хаосу. Это и стало причиной ее конфликта с Десятой Семьей, наживавшейся на прихотях богачей и власть имущих. Невидимая война длилась уже несколько лет, разгораясь все сильнее. Стражники устраивали набеги на склады и убивали Братьев и Сестер Цзя прямо на улицах. В отместку Дядюшки и Тетушки наведывались в казармы стражи, после чего весь город освещали зарева пожаров.⁵

Даже Строители и Землевладельцы не питали друг к другу столь сильную ненависть, как Ломаный и Суровая Лян.

Цзя прислонилась к стене. *«И эту женщину мы собираемся обокрасть!..»*

— Мне крышка, — сказала она вслух.

⁵ Если согласно контракту убийство необходимо осуществить незаметно, Приемный Отец Яо посылает Старшего Брата или Сестру, в то время как Дядюшки и Тетушки принимаются за дело лишь в том случае, если необходимо четко дать понять, что их жертвы *сильно* рассердили Десятую Семью.

— Только если стража нас поймает, — сказал Шен Скупец, пренебрежительно отмахнувшись, — или если свалимся, когда будем лезть по стене.

— Лезть? По стене? — переспросила Цзя, схватившись за голову.

— Ну да. Мы поднимемся по стене башни снаружи, — Шен нахмурился. — Знаешь, я сейчас сказал это вслух, и подумал, что звучит довольно рискованно. К счастью, у тебя есть секретное оружие.

— Да? И какое же?

— Я! — отвечал Шен и скрылся за поворотом лестницы.

Цзя чувствовала, что вся Семья наблюдает за ней.

— Крепись, Младшая Сестра, — сказал один из братьев, вытянув руку из лаза и дотронувшись до ее плеча. — Действуй тихо, будь осторожна.

— Прячься у всех на виду, — добавил другой.

Цзя вздохнула. Эту фразу он взял из «Книги Зея».

Шен Скупец спрыгнул с фальшивого фасада Скитающегося Дома, и Цзя с хмурым видом последовала за ним. Мощенные неровным булыжником улочки разделяли нагромождения ветхих многоэтажных построек, чьи крыши заслоняли звезды.

Впрочем, часть неба все же была видна. Примерно в полумиле вздымались резкие очертания Башни Советника, надменно возвышающейся над кварталами бедноты. Туда-то им и надо.

Шен Скупец застыл посреди петлявшей кривой улочки. В нежном свете луны его спутавшаяся борода почти сияла, и в сознании Цзя забрезжило какое-то мимолетное воспоминание...

...И тут же пропало. Цзя встряхнула головой и подбежала к Шену. Возможно, старый пройдоха усомнился в успехе.

Нет, просто его вниманием завладел торговец, стоявший чуть дальше на извилистой улице, ведущей к башне. От шипящего на огне мяса поднимался душистый дымок, которым тянуло в их сторону.

— Надо было идти по крышам.

— Неужели там теперь торгуют говядиной с карри? — восхищенно спросил Шен. — Я и позабыл, какие чудеса можно встретить в этом городе.

— Нет, — резко ответила Цзя. — Там безопаснее.

— Ах, да, — согласился Шен и задумчиво закивал. — Безопасность — это очень важно. Но не бойся: если придется прыгать с крыши или драться с семерыми сразу, я пропущу тебя вперед.

Он засеменил к торговцу, оставив Цзя стоять с разинутым ртом. Вероятно, он все подслушал, однако Приемный Отец Яо ничего не говорил о крыше...

Жаровня и разделочный стол были прилажены к покрытым сажей стенам тележки торговца с помощью сложной системы механизмов и цепей. Похоже, всю

эту конструкцию можно было быстро сложить и прикрыть металлической крышей. Цзя догнала Шена как раз в тот момент, когда тот принялся с извинениями протискиваться сквозь образовавшуюся перед лавкой очередь. А затем старик приказал подать все блюда, что готовились на огне.

— Вы хотите купить все, дедушка? — спросил торговец, задрав брови прямо к загнутым вверх полям своей большой соломенной шляпы.

Он не обратил никакого внимания на возмущенный ропот толпы, так как, продав все сразу, можно было быстро набить карман и отправляться на боковую.

— Конечно! — ответил Шен. — Нам с моей юной спутницей предстоит сегодня восхождение...

— Мы раньше пришли, старый пень, — заворчала женщина средних лет с усталыми глазами.

На плече у нее висела тяжело нагруженная сумка, из которой доносилось кудахтанье.

— Правда? Быть не может! — ответил Шен. — Я бы сразу заметил в очереди такую красавицу. Но никто не останется голодным!

— Торговец! — окликнул он и хлопнул ладонью по прилавку. — Угощения всем моим друзьям!

Цзя протиснулась между неловко улыбающейся женщиной и уличным музыкантом, за спиной у которого висел восемнадцатиструнный матар.

— *Вы что делаете?!* — зашипела она на старика.

— Готовлюсь к тайному заданию, — прошептал Шен в ответ так громко, что его, наверное, услышала вся улица.

Мясо продолжало неистово шипеть.

— Вы привлекаете к нам внимание!

— Да, ты, наверное, права, — сказал Шен. — Впредь я буду осмотрительнее.

— Дедушка, — заговорил торговец, выпучив глаза, — ваша... ваша рука!

Шен взглянул на него, а затем на руку, которую он положил... прямоком на раскаленную жаровню.

— Ничего страшного! — сказал старик, опершись на решетку другой рукой. — Мне ожоги не очень страшны, к тому же сегодня довольно прохладно. Моя еда уже готова?

— Деньги вперед, — сказал торговец, покосившись на жарящееся мясо.

— Ой, разумеется, простите, — Шен выпрямился и начал обеими руками копать в своих сумках, что-то бубня себе под нос.

Наконец, он просиял и извлек на всеобщее обозрение рубин. На его ладонях не было и следа ожогов.

— Этого хватит?

Все вокруг перевели взгляд с рук старика на рубин, а затем на морщинистое лицо Шена. Кто-то прошептал: «Ювелир», еще кто-то — «Зей...» На этот раз даже Цзя засомневалась. Рубин. Ладони, которым нипочем пламя. История с ядом. Колдовство. Да кто же он такой?!

Но она была еще очень молода и не могла унять присущий ей цинизм.

— Это, по-вашему, осмотрительно? — поинтересовалась она.

— Это же не самый большой мой рубин, — сказал Шен.

На лице его читалось беспокойство.

— Да на него всю улицу купить можно! — воскликнула Цзя. — А вы тратите его на тележку с мясом?

— Неужели тебя не соблазняет этот аромат? Такое превосходное мясо стоит гораздо дороже какого-то рубина!

— Вы сошли с ума, — сказала Цзя.

— Красота сводит с ума даже самых стойких мужчин, — отвечал Шен, подмигивая женщине, перекинувшей через плечо мешок с курами. Та залилась краской. — Но ты дело говоришь.

— Торговец, отдашь мне свою чудесную шляпу, и этот жалкий рубин твой, — сказал старик, помахав драгоценным камнем над головой.

Торговец не мог оторвать взгляд от самоцвета.

— Хватит им размахивать! — сказала Цзя. — Хотите, чтоб вас из-за него зарезали?

— Ну не эти же чудесные люди меня зарежут? — парировал Шен и напялил на голову новоприобретенную шляпу. — Мне они кажутся вполне благонадежными. В конце концов, кому придет в голову убить старика из-за каких-то самоцветов?

— Да кому угодно в этом городе, — ответила Цзя. — И хватит кричать на каждом углу о своих камнях.

— Так я же не против ими поделиться, — сказал Шен, поправив шляпу. — У меня их полным-полно.

Внезапно как по сигналу из-за ближайшего угла вывалились трое щуплых молодчиков. Цзя плавно переступила назад и тихо вытащила из ножен кинжал так, чтобы не увидела взволновавшаяся толпа. У троих болванов не было меток Десятой Семьи, следовательно, они действовали без дозволения, самостоятельно⁶, и вряд ли уйдут только потому, что Цзя попросит. Вероятно, они даже попытаются ее прикончить. Значит, придется попросту убить их, чтобы...

На противоположном конце улицы показался патруль стражи Советника, явно направлявшийся к ним. Лучше не придумаешь! А Цзя так и не сняла свой неприметный доспех наемного убийцы.

Торговец, по всей видимости, тоже понимал, к чему идет дело. Он дернул свою тележку назад, и металлическая крыша начала опускаться.

Шен Скупец придержал ее одной рукой и вновь поднял без каких-либо усилий.

— Это, случаем, не имбирное вино на полке у вас за спиной? — спросил он.

Отчаянно налегая на отказывающуюся поддаваться ручку крыши, торговец кивнул.

⁶ Члены Десятой Семьи не очень терпимо относились к своим конкурентам в Чжоу. Воры-одиночки, мошенники и торговцы краденым либо добровольно лишались части своих доходов в пользу Семьи, либо были вынуждены терпеть дополнительные расходы и потери... преимущественно в виде частей тела.

— Я дам вам по опалу за каждую бутылку, — сказал Шен, и его голос отражался эхом от стен высоких домов.

Торговец застыл на месте, а один из головорезов уронил свою дубинку.

— *Вы серьезно?! По опалу за бутылку?* — не поверила Цзя.

— Я в жизни выпил слишком мало имбирного вина, — торжественно произнес Шен, — и очень об этом сожалею.

Осмелившись рискнуть жизнью ради вожделенных опалов, торговец дал Шену бутылку. Шен не глядя кинул ее лысому разбойнику.

— Подать вино моим друзьям! — приказал старик. — А раз уж собралась почтенная публика, не обойтись без музыки!

Публика? Цзя подняла взгляд: из распахнутых окон высунулись жильцы, пытаюсь разобраться, что происходит. Вот те на! Ночью Чжоу превращался в город запертых дверей и закрытых ставен. Ни один человек не стал бы выяснять, из-за чего на улице шум... если только не хотел сам поучаствовать в заварушке.

— Могу я позаимствовать ваш матар, молодой человек? — спросил Шен у уличного музыканта.

— А вы меня вином угостите?

— По рукам! — и они обменялись: Шен дал музыканту бутылку, а тот отдал инструмент. Шен зашатался, пытаюсь удержать матар в руках. — Раньше они были легче. Придется взяться обеими руками.

— Эй, ты! — позвал он лысого головореза. — Помоги нашему доброму другу налить всем вина. Люди добрые, подпевайте, если знаете слова!

Слова знали все, что неудивительно: песня была похабной. Приличных песен о Зее вообще было немного. Когда они допели до куплета, где говорилось, как Царица Павлинов обнаружила Зея в постели с тремя ее сестрами, женщина с курами и лысый головорез уже вовсю обнимались и заливались смехом.

Все больше и больше людей выходили на улицу только для того, чтобы им сразу же всучили бутылки с вином. Прибыла стража, и патрульные тут же засвистели в свистки, чтобы вызвать подкрепление и уgomонить разгулявшийся народ. Уличный музыкант, которому Шен вернул матар и водрузил на голову соломенную шляпу, что было сил бил по струнам и пел вместе со своими новыми приятелями. Торговец крикнул жене, чтобы просыпалась, а затем приказал получше спрятать мешочек с опалами и принести еще имбирного вина и сырого мяса из кладовой ...

Десятью минутами позже, удалившись на расстояние нескольких кварталов, Цзя и Шен Скупец остановились у ограды двора Башни Советника. На их глазах последний из пеших патрулей ушел в направлении импровизированного уличного гулянья.

— Старый прохвост, — вырвалось у Цзя. — Вы все это нароч... Пойдите, вы и с собой бутылку захватили?

— Если взбираться придется долго, то пить захочется, — ответил Шен, привычным движением пальца откупорив бутылку.

Тремя глотками он опустошил ее наполовину. Раздраженная тем, что приходится объяснять простые вещи человеку вчетверо ее старше, Цзя рывкнула:

— Лезть на башню пьяным нельзя!

— Почему это? — удивился Шен. — Я за свою жизнь покорил тысячи башен, и как раз трезвым-то лазить было скучнее всего.

— Вы свалитесь и разобьетесь!

— Ну уж нет. Я слишком худощав, чтобы разбиться. Подозреваю, что плавно спланирую на землю, хотя мне еще не приходилось проверять эту гипотезу.

— Воля ваша, — ответила Цзя, ущипнув себя за переносицу. — Как только я подам вам знак...

Шен уже бежал по двору. Цзя выругалась и пустилась вслед за ним, ожидая в любую секунду услышать крики стражников. Но их никто не заметил, хотя на соседних крышах должны были дежурить лучники. Похоже, ей отчасти передалась удача Шена.

Он уже добрался до башни, засунул бутылку в одну из множества сумок и мигом вскарабкался на десяток футов вверх по отвесной стене, как дикая обезьяна. Цзя пришлось напрячь все мышцы и использовать каждый еле заметный выступ, чтобы угнаться за ним.

Они поднимались все выше над Чжоу. Тьма окутала спящий город, и лишь устроенный Шеном местный фестиваль Зея ⁷ озарял одну из улиц россыпью

⁷ Жители Сианься отмечают немало праздников, на которых вволю смеются над самими собой, но ни один из них не сможет сравниться с ежегодным фестивалем Зея, настоящей вакханалией идиотизма. В ходе фестиваля жители устраивают по всему городу четырнадцать торжественных шествий, разыгрывают чрезвычайно пошлые представления, посвященные многочисленным приключениям бога-разбойника. А еще в канун праздника горожане постоянно разыгрывают друг

огней, да по яркому зареву факелов и фонарей на востоке угадывался Вечный рынок.

Цзя наконец заметила, что Шен карабкается по отвесной стене почти по прямой. Приглядевшись, она заметила небольшие выемки в гладком камне, которые невозможно было заметить снизу.

— Кто-то время от времени залезает на эту башню, — сказала она.

— О, да, — подтвердил Шен, даже не запыхавшись. — Мой сын здесь частенько бывает.

— У вас есть сын? — не поверила Цзя. — Но вы постоянно намекаете, что...

— Что дал обет безбрачия? Да ни за что! Случись такое, и женщины от негодования сотрут горы в пыль и засыпят ею моря!

— Да нет же. Что вы бог. И, пожалуйста, не надо про се... про безбрачие, — сказала Цзя, покрасневшись.

— Почему бы и нет? — с невинным видом поинтересовался Шен. Он на мгновение прекратил подъем, уцепившись одной костлявой рукой за очередную трещинку, и почесал бороду.

— Потому что вы...

— Неотразимо красив? Приятно пахну?

— Вы старик.

друга и строят всяческие каверзы, в результате чего некоторые районы оказываются непригодными для проживания.

— Это верно, — согласился с ней Шен и сокрушенно покачал головой. — Я и впрямь стар. Если подумать, я слишком стар, чтобы таскать эту тяжеленную бутылку. Лови!

Он выпустил бутылку, и Цзя едва успела ее поймать, прежде чем та упала бы и разбилась о камни мостовой.

— И что прикажете с ней делать?

— Пить! — ответил Шен.

Порыв ветра затрепал его одеяние, и старик поставил одну ногу в крохотную выемку, показав одну из своих потрепанных сандалий.

— А затем надо разбить бутылку, чтобы отогнать дух похмелья!

— Я не собираюсь... Ладно, уговорили. А это действительно помогает?

— Возможно, — сказал Шен. — Мне лично нравится похмелье. Напоминает о...

Он умолк. Молчание оказалось столь неожиданным, что Цзя показалось необходимым разговорить старика.

— Напоминает о чем?

— О разном, — ответил Шен, широко улыбнувшись.

Впервые Цзя рассмотрела его по-настоящему. На этом лице с неуловимо знакомой седой бородой и добродушной улыбкой она увидела еле заметный отголосок... печали, скрытой за высокими стенами и крепкими воротами, которые тут же снова закрылись.

— Вы говорили о своем сыне, — напомнила ему Цзя, засовывая бутылку за пазуху своего стеганого доспеха.

— Ах да. Он взбирается по этой башне чаще, чем следовало бы. Видишь ли, он и Суровая Лян — любовники.

Цзя буквально оцепенела.

— Суровая Лян? Советник? Та, на чью башню мы сейчас лезем?

— Она самая, — радостно ответил Шен. — Их любовь началась давным-давно и не угасает вот уже несколько десятков лет.

— Это невозможно, — не поверила ему Цзя.

О безразличии Советника к противоположному полу слагали целые песни. Лян отвергла сотню ухажеров из самых влиятельных Великих Семей. По мнению Цзя, то было единственное положительное качество этой женщины.

— Не невозможно, просто невероятно. А сейчас нам лучше перейти на шепот, — прибавил Шен.

Прямо над ними находилось окно покоев Советника.

— А ваш сын, — начала Цзя, по-прежнему уверенная, что Шен морочит ей голову, — он что, известный обольститель? Тоже бог в облиции человека?

— Ой, неужели я забыл сказать? Ты его знаешь как Ломаного, — сказал Шен.

Цзя соскользнула с выступа. Быстрее молнии Шен, крикнув, ухватил ее за запястье, и девушка повисла в воздухе, в нескольких сотнях футов над землей.

— Аккуратнее, — только и сказал Шен, прежде чем вновь подтащить ее к стене.

Цзя вжалась в камень, уткнувшись лицом в холодную кладку, стараясь отдышаться.

— Нет, — наконец выдавила она. — Мы воюем со стражниками Лян. Они с Ломаным ненавидят друг друга.

— Сильные чувства определенно имеют место, — ответил Шен, отодвинувшись.

То ли ему не нравилась тема разговора, то ли он просто испугался, когда Цзя сорвалась, но в его голосе не осталось и толики веселья.

До окна оставалось каких-то пять футов.

— Вы ошибаетесь! Ломаный никогда бы нас не предал, — она сама понимала, что в ее голосе сквозит отчаяние, и злилась на себя.

— Ей он присягнул гораздо раньше, — мягко пояснил Шен. — Семья для него — на третьем месте.

— На третьем? А что же на втором?

— Я рад, что ты спросила! — воодушевился Шен. — Я как раз привел тебя сюда, чтобы приоткрыть покров тайны.

Жилистой рукой он ухватил ее за шиворот и втянул на оконный карниз.

Яркий луч лунного света пронизывал покои Советника, выхватывая из тьмы толстый ковер, камин и кровать. Стоя лицом к стене, Суровая Лян накинула на бледные плечи халат, скрыв обнаженную спину.

Позади нее из темноты показался голый по пояс Ломаный. На его коже едва можно было найти место, не покрытое шрамами. Убийца обвил руками шею Лян, нежно коснулся подбородка и легонько приподнял ее голову, чтобы поцеловать...

Все случилось так же, как и тогда, на крыше. Не успев опомниться, Цзя уже вломилась внутрь через окно с кинжалом наголо.

Суровая Лян вырвалась из объятий Ломаного. Она собиралась закричать, но Ломаный зажал ей рот рукой и удержал. Он уставился на Цзя. Выражение лица Ломаного было совершенно непроницаемым, и Цзя поняла, что он не оставит ее в живых. И Лян тоже не даст ей уйти.

Тем же путем, каким они пришли, теперь наверняка не выбраться. Цзя высунулась в окно и протянула руку Шену Скупцу... но тот будто растворился. На стене башни не было и следа сумасшедшего старика, вообразившего себя божеством. Проклиная все и вся, Цзя успела развернуться как раз, когда Ломаный попытался ухватить ее.

Она полоснула лезвием кинжала по его запястью, заставив отступить, и проскользнула прямо под его рукой. Цзя метнулась к единственному оставшемуся выходу.

— Стража! — взревела позади Лян.

Сверкая сталью клинков, два стражника вломились в дверь, которая была последней надеждой Цзя. Не задумываясь, она вытащила из-за пазухи бутылку Шена и метнула в голову ближайшего стражника. Оглушенный мощным ударом, тот начал заваливаться набок. Его товарищ взмахнул мечом, но Цзя поднырнула

под серебристый клинок и вонзила кинжал в предплечье. Стражник выронил меч, и Цзя тут же подхватила оружие.

Не обращая внимания на крик боли врага, она крутанулась на месте как раз вовремя, чтобы парировать выпад клинка Лян. Только не это! От рук этой женщины погибли десятки убийц из Десятой Семьи. Они были для Цзя родными. А глава Семьи, ее защитник, Ломаный, был *влюблен* в эту тварь...

Ломаный метнулся к ней через покои, из его раны лилась кровь. Лян сделала выпад, потом еще один, и Цзя, зашипев от гнева, отступала под натиском ударов, защищаясь от клинков Советника и вращаясь, как волчок.

Наполнявшая ее ярость вырвалась в крик, и Цзя метнула меч с кинжалом в грудь Ломаного.

Тот отбил их в сторону одним движением руки и продолжал наступать.

Цзя развернулась и побежала вон из опочивальни, а затем по коридору к винтовой лестнице. Внизу послышался топот латных ботинок, и ей оставалось лишь подниматься выше.

Она знала, что наверху ее ждет смерть. Она умрет, а страдания ее Семьи, причиной которых было предательство Ломаного, продолжатся...

Она поднялась на крышу башни, освещенную лунным светом. В воздухе повисла странная тишина. Разумеется, Цзя оказалась в тупике.

Она подбежала к краю крыши, тяжело дыша, в отчаянной надежде обнаружить там лестницу, которую не заметила во время подъема. Увы, никому не пришло в голову услужливо перестроить башню за это время. С высоты Цзя посмотрела на

окружавший башню двор. Ей, возможно, удалось бы сползти к окну покоев Советника и спуститься по выбоинам, но на это нужно было время. Судя по приближающимся крикам, стражники почти настигли ее.

Цзя зажмурилась. Ей вспомнилась одна из историй о Зее.

Когда за ним гнались Владыки Огня, хитрый Зей забрался на самое небо. А когда они принялись поносить его, Зей поцеловал румяный рассвет и прыгнул...

Цзя открыла глаза. Приблизившиеся стражники бряцали сталью по каменной кладке. Похоже, ей уже не удастся повидать мир, как она мечтала, но можно напоследок полетать...

Она обернулась, поставив одну ногу на самый край крыши, падение с которой было верной смертью. Не менее двадцати стражников с ехидными ухмылками окружили ее, встав полукругом и направив в ее сторону острые мечи и копья. Эти двадцать солдат могут в будущем причинить вред ее Семье.

Цзя глубоко вздохнула и ринулась в бой.

Меч разрезал воздух там, где долю секунды назад находилось ее горло; один из стражников попытался ударить ей копьем в спину, но Цзя уклонилась и, схватив древко, вырвала оружие из рук противника.

Дубовое древко гулко молотило по стальным шлемам стражников, и один из них с криком свалился на крышу, когда Цзя ударила железком копья в прореху в его поножах, пронзив бедро. Она продолжала драться, прекрасно понимая, что проигрывает. Стражники оттеснили ее к самому краю, и сильным ударом им удалось разрубить копье надвое. Один из стражников схватил Цзя сзади, и, неистово

зарычав, она пронзила его ступню, вырвалась из захвата и вогнала нападавшему наконечник копья в грудь.

Древко треснуло. Цзя выхватила из руки стражника меч, прежде чем тот рухнул с крыши, и вновь обрушила град ударов на солдат, от чьих рук ей суждено было умереть. Каждым взмахом она отражала несколько выпадов, и каждый ее удар достигал цели. Смеясь, почти танцуя, она крутилась, уклонялась и продолжала бой...

Когда в живых осталось лишь девять стражников, один из солдат ударом закованного в латы кулака сшиб ее с ног, а другой пинком выбил из рук меч.

У нее кружилась голова, но Цзя видела в лунном свете занесенный над ней топор. А еще она услышала, как кто-то бежит вверх по лестнице...

Из лестничного колодца выскочил Ломаный, схватил двух стражников за шеи и швырнул с крыши вниз. Перекатившись, он поймал конец копья, чуть не ударивший ему в затылок, но все же задевший кожу. Его ответный удар смял шлем нападавшего, точно бумажный.

Цзя метнулась к своему мечу, успев поднять его вовремя, чтобы отразить нацеленный ей в грудь удар. Ломаный поднялся на ноги за спиной у незадачливого стражника, и обеими огромными руками, по костяшкам которых текла кровь, сдавил его голову.

Оставшиеся пятеро стражников начали отступать, узнав Ломаного. Но Цзя знала: он не пощадит их. Как и она, солдаты стали свидетелями...

Но нет... Цзя нахмурилась. Ведь Ломаный просто мог бы оставить ее на растерзание страже и не вмешиваться.

Человек, которого костлявый Шен Скупец называл своим сыном, за какие-то мгновения убил еще троих. Последних двух он бил головами друг об друга, пока те не прекратили подавать признаки жизни, а затем спустил вниз с лестницы.

Он повернулся к ней. Из десятка ран на его теле сочилась кровь.

— Она твоя мать, — произнес Ломаный.

Цзя растерянно уставилась на него. Вот о какой тайне говорил Шен. Лян и Ломаный были любовниками уже много лет...

— А вы мой?..

— Да.

Он не пытался убить Цзя. Он пытался остановить Лян, которая не узнала свою дочь.

Цзя заметила, что глаза Ломаного очень похожи на ее собственные. Это был первый раз, когда он взглянул ей в лицо.

— Я знал, что он любой ценой приведет тебя сюда, — продолжал он.

Будь Цзя героиней одной из сказок, слышанных в детстве, она бы кинулась ему на шею. Но вместо этого она отвесила ему пощечину, хотя тут же искренне об этом пожалела.

— Прости, — сказал темноглазый гигант. — За мной всегда охотятся. Я не мог подвергнуть тебя опасности.

Слева послышался шорох шелкового одеяния, скользящего по каменному полу. Суровая Лян смотрела на них, стоя на темной лестнице. Теперь, зная, на что смотреть, Цзя поняла, что похожа на Советника, как копия на оригинал.

Стиснув зубы, Суровая Лян безмолвно развернулась и начала спускаться.

— Она не видела тебя с тех пор, как родила, — пояснил Ломаный. — Она бы не стала звать стражу, если бы знала, что это ты.

— Вряд ли я смогу в это поверить, — ответила Цзя, вспомнив холодную ярость в глазах матери.

— Ты ее не знаешь, — сказал отец, но в голосе его слышались нотки сомнения.

— Зато ты отлично с ней знаком, — безжизненно отозвалась Цзя.

— Да, с тех самых пор, как мы в детстве дрались за еду на улице, — кивнул он. — Но когда я стал частью Десятой Семьи, она осталась совсем одна.

Цзя ощутила в сердце непрощенное восхищение. Полагаясь лишь на свою хитрость и силу воли, ее мать смогла пробиться наверх, покинуть безжалостные улицы, обзавестись нужными связями, занять пост Советника и уцелеть на нем.

Так она и превратилась в Суровую Лян, охотящуюся за приемными детьми своего возлюбленного — наемными убийцами. Цзя не смогла бы простить ее, даже если бы мать попросила.

— Надо поговорить с ней, — сказал Ломаный. — Теперь вы встретились...

Цзя едва сдержала вздох, когда наконец поняла. *В первую очередь он верен Лян, во вторую — самой Цзя, а в третью — Десятой Семье, и он не хочет ни от чего отказываться...*

— Мы никогда не станем семьей, — ответила она. — Ты не понимаешь? Она не прекратит убивать просто потому, что ты любишь ее. Либо умрет она, либо улицы обогрятся нашей кровью. *Ты сам все знаешь!*

— Она твоя мать, — сказал Ломаный.

— Нет, — возразила Цзя, присев на корточки на краю крыши. — Она твоя любовница, а я — сирота.

И Цзя начала спускаться, оставив Ломаного на башне в окружении лишь мертвых тел.

Глава 4

Тени исчезают в свете дня, а норы можно обыскать. Прячьтесь у всех на виду, и вас никогда не найдут.

Книга Зея

Несколько часов спустя Цзя снова сидела на самом верху храма Тун-Ши, прислонившись к фризу Зея и свесив ноги. Приближался рассвет. Крепость Совета освещало трепещущее пламя фонарей, будто на темные горы Гуочжи повесили драгоценное ожерелье. Верхушки труб Подземной Кузни сверкали багровым цветом.

Цзя хотелось сбежать. Ее братья и сестры из Десятой Семьи почти все были взрослыми. Им нравилась эта жизнь, полная непрекращающихся стычек, а Цзя, если уж на то пошло, не любила драться.

Цзя понимала, что станет очередной жертвой в бессмысленной войне, разрываясь между любовью к Семье и глупой верностью отцу, от которой не могла избавиться. Ей хотелось сбежать, но чувство долга не позволяло.

— Привет, внучка, — сказал Шен Скупец, плюхнувшись на самый край крыши рядом с ней.

— Зачем вы повели меня туда? — спросила Цзя.

— Ребенок должен знать, кто его родители, — ответил Шен, болтая ногами. — Как же еще понять, чьему примеру не стоит следовать?

— Опять шутки, — возмутилась Цзя и отвернулась от старика.

— Шутки ли? — резко спросил Шен. — Твоя мать хочет единолично властвовать в городе и предпринимает меры, чтобы уничтожить все Великие Семьи. Твой отец знает, что на девяти она не остановится. Вскоре их обреченной любви будет недостаточно, чтобы сдержать конфликт, и полыхнет очередная гражданская война. Ты должна быть умнее их, внушка.

Цзя пристально посмотрела на старика. От легкомысленной улыбки не осталось и следа — это было лицо человека, перенесшего столько боли, что хватило бы на сотню жизней.

— Может, мне стоит узнать заодно, кто мой дед? — ответила она наконец.

Шен повернулся, глядя на каменного Зея, который, смеясь, удирал от гнева богов. В профиль их лица выглядели совершенно одинаково.

— Какой симпатичный молодой человек, — произнес Шен Скупец, чуть улыбнувшись.

— Что мне делать? — спросила Цзя после короткой паузы, поняв, что Шен не собирается продолжать. — Попытаться примирить отца и мать? Убежать отсюда и скрыться?

— Делай, что хочешь, — ответил он, глядя ее по щеке. — Жизнь бывает так скоротечна.

— Для смертных, да?

Шен не торопился с ответом.

— Оглянись вокруг, — сказал он наконец и обвел рукой панораму Чжоу. — Когда-то здесь, на большой равнине, жили маленькие племена. Повсюду пестрели

цветы. А затем мир изменился. Люди начали сочинять истории и обращать взор к небу, надеясь получить помощь от существ более могущественных, нежели они сами. Истории обрели форму законов и норм, а племена становились крупнее и сражались друг с другом. Они считали, что у них нет иного выбора, и ждали знаков свыше.

Он небрежно указал рукой на небо. Там вьсь пронзила яркая падающая звезда, пылающий шар из расплавленного металла, оставляющий за собой пепельный след. Оцепенев от благоговейного трепета, Цзя лишь повернулась к Шену.

— Я тут ни при чем, — ответил он, широко раскрыв глаза.

Она засмеялась.

— Послушай, — начал он, провожая глазами метеор, упавший где-то на юго-западе, далеко от Сианься, — от отца тебе досталось чуткое сердце, а от матери — ее гнев. Я понял это сразу, как только увидел тебя у него на руках, когда сын принес тебя домой. Разумеется, я попросил взять тебя на руки, и ты чуть не выдрала мне бороду.

И Цзя наконец вспомнила, как ее крохотные пальцы запутались в жидкой бороде, посеребренной лунным светом. Она была слишком маленькой и не должна была запомнить ту ночь, но каким-то образом воспоминание сохранилось.

— Теперь, — продолжал Шен, — ты дитя Десятой Семьи, а еще ты моя внучка. Но это не значит, что наши поступки определяют твою жизнь и что ты должна сражаться из-за нас.

Он нежно поднял ее за подбородок и заглянул в глаза.

— Что бы тебе ни говорили, ты свободна, — сказал Шен.

В свете падающей звезды Шен показался ей очень уставшим и невероятно старым. Она знала, что он отправится вслед за знаком небес, и ей не нужно было ни о чем спрашивать. Для него эта звезда что-то значила.

Но не для нее.

Некоторое время они сидели в тишине, не испытывая никакой неловкости. Затем Шен шумно втянул ноздрями воздух.

— Чем это пахнет? Уж не соленой ли перечной рыбой? — спросил он, вставая.

Цзя подняла брови.

— Лучше сходить и посмотреть, — ответила она. — А то еще всю распродадут.

— Верно, — согласился Шен и энергично закивал. — Оставлю-ка я тебе кое-что.

Не сомневаюсь, мы еще встретимся.

Он положил ей на колени одну из своих бесчисленных сумочек, поцеловал в макушку, и начал слезать по водосточной трубе храма, следуя за потрясающим ароматом.

Цзя заглянула внутрь пухленькой сумки. На горстке безупречных алмазов лежал надтреснувший и потемневший самоцвет. Это был один из тех амулетов, которые способны отразить магическую атаку. Вроде той, которую пустил в ход Дядюшка Хао накануне вечером.

Цзя выждала, пока из-за горизонта не показалось солнце, а потом поднялась на ноги и засунула сумку за пазуху. Она могла вернуться в Скитающийся Дом и

позавтракать; она могла извиниться перед отцом. Или же оплатить место на корабле и увидеть земли, о которых раньше ей приходилось лишь читать.

Она могла отправиться куда угодно.